

ВТОРОСТЕПЕННЫЕ ЧЛЕНЫ ПРЕДЛОЖЕНИЯ

*Жран и сестра, -
1996. -
18-25 янв. -
96, 7*

В последнем декабрьском номере "ЭС" можно прочитать, что одним из самых сильных моих впечатлений прошлого года было знакомство с неким сборником пьес под названием "Кольтесса". Загадочное название с легким авантюрно-аристократическим привкусом. Читатель вправе подумать, что речь идет о чем-то среднем между пьесой Дрюона "Контецца" и испанским парламентом. Или о револьвере женского рода.

Разумеется, это опечатка. Ответы диктовались по телефону. А фамилию французского Бернара-Мари Кольтеса — недавно РАТИ выпустил книгу его пьес "Западная пристань" — в предновогодней спешке опознать было некогда. Действительно, Кольтес, умерший шесть лет назад от СПИДа в возрасте сорока одного года, не слишком известен даже среди театральных людей. Значит, нелишне еще раз о нем вспомнить.

Не знаю, многие ли наши режиссеры, прочитав книгу Кольтеса, увлекутся идеей какую-нибудь из его пьес поставить. Не знаю, смогут ли это сыграть сегодня российские актеры. Современные драматургические тексты, к сожалению, плохо даются нашему театру. Отечественная сцена противится, кажется, прежде всего самой структуре этих пьес. Но традиционное объяснение — мол, новейшая западная драма слишком умозрительна, а у нас все больше стремятся душой играть — мне кажется, не большим, чем традиционной спекуляцией. Хотя и на Западе за Кольтеса мало кто брался, и он почти никому, кроме Патриса Шеро, не удавался.

Впрочем, Кольтеса и читать-то не просто. Первое, поверхностное любопытство вянет уже к исходу второй страницы монопьесы "Ночи на пороге лесов". В этом очень длинном монологе нет абзацев и всего одна точка. Она стоит в самом конце текста. "Ночь..." — это одно нескончаемое предложение. Это исповедь героя первому встречному, в которой обстоятельства и объяснения набегают друг на друга, подхлестывают придаточные обороты и множат запятые.

Можно сказать, что это истерика некоего персонажа, имени которого мы так и не узнаем. Но скоро почувствуем, что его душа доведена до крайней степени тоски и уязвленности. Изгой в чужой стране, без денег и постоянной крыши над головой, он захвачен водоворотом жизни городских низов. Он точно захлебывается словами, торопясь удержать случайного спутника, встретившегося ему в ночи. "В этом бардаке" он ищет человека, "подобного ангелу". Страшно опять остаться одному, страшно опять стать никому не нужным. И вот речь превращается в нескончаемую импровизацию, где ужаснее всего исчерпать тему, где пауза уже равносильна расставанию. Поэтому слова даже и не кончаются, а просто сливаются с каплями непрерывного дождя, растворяются в минутном приступе обреченной надежды.

В неприличной, временами резкой и агрессивной искренности этого человека сквозит неизбывная потребность в сочувствии и любви. У Кольтеса часто встречается это соединение грубого насилия и чувственного томления.

Рукой драматурга водит осознание жестокой реальности и — неутоленная, раненая нежность. В терминах фрейдизма этого до конца не объяснить. Часто драматические коллизии у него случаются не столько между личностями, сколько между личностью, словом, действием и чувством одновременно.

Герои Кольтеса задыхаются в объятиях одиночества и полной грудью вдыхают пустоту абсолютной свободы. Поэтому и исходит от нескольких его пьес странное, острое ощущение вакуума. Но именно как следствие виртуозного мастерства и чуткости драматурга. Как раз движение навстречу растворенной в атмосфере опасности составляет особый интерес пьесы "Битва негра с собаками".

Люди, вступающие в игру со своими

Обстоятельства образа

инстинктами, — его герои. А ложь подобной игры неподвластна суду привычной морали. Поэтому Кольтес может показаться борцом с насилием, но может — апологетом насилия. Причем и то, и другое — очевидные заблуждения. В столкновении-игре с жизнью, по Кольтесу, не может быть категории победы.

Его сочинения полнятся туманными намеками и загадочными недомолвками. Пьеса "В одиночестве хлопковых полей" вообще построена как долгое, без ремарок, обсуждение двумя персонажами какой-то сделки между ними, уловить суть которой невозможно. Судя по опубликованному переводу, это, скорее всего, гомосексуальное эротическое впечатление. Но, как объяснила в рецензии на книгу Татьяна Проксурникова, в оригинале пьесы сделку можно трактовать и как торговлю наркотиками. Так или иначе, поведение персонажей в "Хлопковых полях" интереснее и сложнее любых их конкретных намерений. Два человека ведут разговор, боясь назвать предмет диалога. Они кружат вокруг да около, постепенно, на ощупь, точно по стенке в опасной темной комнате, продвигаясь навстречу друг другу. Они выстраивают изощренный многословный диалог, маскируя им истину. Так медленно тянутся друг к другу две руки, замирая от напряжения и проверяя отклик чуть ли не по колебанию воздуха.

Оказалось, однако, что сам Кольтес признавался, что писать диалоги для него — мучение. Это рассказал мне французский театровед, знавший его лично. Разговор наш происходил не в Париже и не в Москве, а, как ни странно, в уральском городе Златоусте. Впрочем, о Златоусте — в следующий раз.

Роман ДОЛЖАНСКИЙ.